

Езда в город Коломну – дело не быстрое, и даже медленное, как патока. Всё чуть-чуть тише и реже.

К Коломне, как и ко всякой женщине, коломенке, надо возвращаться внезапно, под вечер:

– Ну, здравствуй.

А она смотрит на тебя своими зелёными, как болото, бедовыми глазами, как у продавщицы на рынке. У продавщицы с майками «I miss you!»

Гравюру Коломенского кремля я пересёк на такси слева направо, как карандаш художника, который пока не придумал, что же тут ещё можно изобразить.

Как что?

Есть одно-единственное место здесь, откуда на всё можно взирать сверху, откуда вся Коломна, как на ладони, она принесена тебе вместе с ключами от города, как дань, она слегка трогательно мала, немощна и беззащитна, как мама в старости или колыбельная, как бабушкины руки, которые я не помню, но думаю, что помню, потому что любовь к этой старой, блуждающей в моих воспоминаниях и снах, как кошка, казачке не иссякает.

Старый подагрический аристократизм стены не вызывает никаких сомнений в том, что это уже по крайней мере не Голутвин.

В Коломне множество разнокалиберных кафешек. Старых, почти советских, с похожими на театральный реквизит котлетами и продавщицами с марлей на голове.

Тут свой контингент.

– На, возьми мой телефон, позвони своей сестры...

Крепко сбитая, как табуретка, официантка за занавеской, как за крепостной стеной, отстреливается мелкими одиночными:

– Сам звони...

Коломна после четырёх по-туристски обыденна и смотрит на тебя жадными и раскосыми глазами бухгалтера. И я брожу по закоулкам прошлого, смешавшись с алкоголиками. Алкоголики напоминают персонажей из пьесы Вампилова.

Коломна в вечернем наряде с подведёнными сурьмой бровями, тенями и подкрашенными глазами – купчиха, княжна, Маринка Мнишек.

Ночью Коломна пуста, словно безгрешна. Пустота сквозит в пустых бойницах, отзывается немым эхом в звоннице и висит на трапедии под куполами шатровой соборной колокольни, сквозь резные узоры которой зияет парчовый отрез вечности.

Башня, основательная, как ладья в эндшпиле, велосипед, прикованный кандалами к столбу, магазинчики «Калачи на вынос», «Мыло» и т. д. – жизнь перемешана метелью в омлет. В этот театр прошлого зрителя ещё не пустили. Но ждут с его тугим кошельком. Калачи на вынос, всё на продажу будет завтра, а сегодня как будто бы выходной. Калачи и дают, и не то, чтобы не дают, но без чаю, как будто дань.

Кремлёвская стена

Маринка – чернокнижница, русская царица, жена двух Лжедмитриев, Смута. Чёрная ворона, кружащаяся над Коломойной, кирпичик, замурованный в стену Коломенского кремля.

Даром, что стрельцы ряженые, и зима, и вороньё, и мрачный каземат – всерьёз и надолго. Портрет на стенке, внизу пыточная.

У пся крев! У каждого второго коломенского – крев маринкина. С норовом народец-то.

В церкви Крестовоздвижения на банке дама заказывает Со-рокоуст.

– На какое имя?

– Владлен!

Алтарница роется в святцах, память заблудилась в лабиринтах истории. Нет такого имени.

Ещё бы: Владимир Ленин!

– Успокойтесь, это имя существовало сто лет тому назад!

Ну, правильно: 2022 минус 100, будет 1922. Тогда-то это имя и появилось. И крестило Коломну и её окрестности огнём и мечом. И вышел потом из всего этого живым только Голутвин.

Владлен в святцы и не попал. Хотя в 1993 году в очередную смуту Владлена крестили в одной из церквей. И кому какое дело, кто и когда? Теперь Владлена нет, а память по нему жива. Родственница с остервенением, как будто закусив во рту чеку гранаты, идёт в последний бой:

– Успокойтесь!..

А есть ещё Бобренёв монастырь.

Уединение, утешение, сон.

Дорога, вбирающая в себя пространство, напоминает снурок. Дёрнув его, открываешь уже другой ларчик, театр, угол зренья: голубеющие в снежной опушке стены, Фёдоровский храм в лесах, ершистый, как ёлка. А может, то алебарды и копья, которые вроде бы давно уже и отлетали своё, а вот торчат тут, как на иконе Семистрельной.

Батюшка важно, как грач, бродит по двору: ладный, ладанный, а его чёрная Тойота в гараже, как ворона.

И всё это – Коломна.

И музыка, но не быстрая, словно контрабас поскрёб мышью в темноте. Словно в ночи голос был. И голос этот сказал – неуверенно, сбивчиво:

– I miss you!